УДК: 316.46:329.17

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета Истории, политологии и права Московского Государственного областного университета (Российская Федерация, г. Москва), e-mail: vardanb@mail.ru

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ УСТРЯЛОВ – ИДЕОЛОГ НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМА

Представленная статья посвящена анализу теории национал-большевизма в творческом наследии Николая Васильевича Устрялова. Выявляются исторический контекст и идейный генезис устряловских воззрений. В фокусе анализа находятся взгляды Н.В. Устрялова на эволюцию Советского государства. Теория национал-большевизма рассматривается в соотнесении с другими общественно-политическими теориями исследуемого исторического периода. Делается вывод об актуальности обращения к воззрениям Н.В. Устрялова в целях формирования гражданского примирения между сторонниками Российской Империи и СССР в современной России.

Ключевые слова: Устрялов, национал-большевизм, сменовеховство, идеология, СССР, эмиграция.

BAGDASARYAN V. E. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law of the Moscow Region State University (Russian Federation, Moscow), e-mail: vardanb@mail.ru

NIKOLAI VASILYEVICH USTRYALOV - AN IDEOLOGIST OF NATIONAL BOLSHEVISM

The article is devoted to the analysis of the theory of national Bolshevism in the creative heritage of Nikolai Vasilyevich Ustryalov. The historical context and ideological genesis of the Ustrylov's views are revealed. The analysis focuses on the views of N.V. Ustryalov on the evolution of the Soviet state. The theory of national Bolshevism is considered in relation to other socio-political theories of the historical period under study. The conclusion about the relevance of the appeal to the views of N.V. Ustryalov in order to form civil reconciliation between supporters of the Russian Empire and the USSR in modern Russia is made.

Keywords: Ustryalov, national Bolshevism, ideology, USSR, emigration.

Первый теоретик национал–большевизма

Современный национал–большевизм представляет собой весьма аморфное и эклектичное в идейном отношении направление. В его предтечи ныне зачисляются и старообрядческие само-сожженцы, и представители славянофильствующей интеллигенции, и левые писатели–попутчики, и члены гностических религиозно–философских обществ, и евразийцы СССР. Объединяя столь разрозненные концепты, один из видных сторонников модернизированного (а точнее, постмодернистского) прочтения содержания данного учения А.Г. Дугин предпочел говорить о национал–большевизме в метафизическом смысле [5, с. 326. Само национал–большевистское учение трактуется им предельно широко, как сверхидеология, общая платформа для всех врагов открытого общества. Понятно, что при столь расширенном понимании национал–большевизма базовое его идейное содержание оказывается размытым.

Между тем национал–большевизм – это вполне определённая идеология. Её происхождение в качестве самостоятельного общественно–политического учения связывается с именем русского философа и политического деятеля Николая Васильевича Устрялова [2, с.192; 3, с. 162–190; 4, с. 131–137; 6, с. 241; 14, с. 462; 10, с. 21]. Широко известная своими антиправительственными акциями лимоновская Национал–Большевистская Партия имела мало общего с устряловским пониманием национал–большевизма. Андеграундно–эпатажный формат её деятельности прямо противоречит государственнической цезарианской идеологии Н.В. Устрялова. Никогда создатель большевистской теории не принял бы лимоновские призывы такого типа, как демонтаж Собора Василия Блаженного или направление на историческую свалку классической русской литературы. В реконструкции подлинного изначального содержания устряловского национал–большевизма и заключается основная задача предлагаемой вниманию читателей публикаци.

Идейная эволюция в контексте времени

Генеалогия устряловского рода восходила к крепостному крестьянину Герасиму Устрялову, являвшемуся управляющим имением князя Куракина в селе Богородское Орловской губернии. Один из его внуков, Василий Иванович (1859–1912), работавший в Калуге по медицинской специальности, был возведён в потомственное дворянство [38, с. 170–185]. Сын практикующего калужского врача Николай Васильевич Устрялов появился на свет 25 ноября 1890 года в Санкт–Петербурге. В 1908 году, окончив с серебряной медалью гимназию в Калуге, он поступил на юридический факультет Московского университета. По его окончании Н.В. Устрялов был прикреплен к кафедре Энциклопедии и Истории Философии Права для получения профессорского звания. Особое влияние на формирование воззрений Н.В. Устрялова в этот период его творчества оказали видные представители либерально–консервативной мысли Е.Н. Трубецкой, П.Б. Струве, П.И. Новгородцев [14, с. 606].

Наиболее ранним из опубликованных устряловских сочинений явилась изданная в октябре 1916 года в «Русской мысли» статья «Национальная проблема у первых славянофилов», в которой рассматри-

вались воззрения на нацию И.В. Киреевского и А.С. Хомякова. Некоторые исследователи обнаруживали впослед-ствии истоки устряловских национал–большевистских взглядов именно в славянофильской философии. В действительности теория славянофильства модернизировалась настолько, что от первоначального концепта мало что осталось. Уже тогда им был сформулирован взгляд, согласно которому субстанциональная идея нации, не изменяясь в своей сущности, исторически может менять свои конкретные воплощения. Отсюда был один шаг до признания преемства Московской Руси, Императорской и Советской России [22, с. 19].

Н.В. Устрялов выходит на публицистическую арену в эпоху первой мировой войны, что определило особо болезненное отношение его к имперскому статусу России в мире. Ещё не будучи национал - большевиком, он выступает в качестве адепта русского империализма. Национальная державность уже тогда рассматривается им как базовая для исторического опыта России ценностная категория. Соответственно наибольшее неприятие вызывало у него распространение различного рода универсалистских концептов вне зависимости от их содержания. «Нужно, – использовал Н.В. Устрялов приём противопоставления, – выбирать: или откровенный космополитизм (будь то социалистический, будь то анархический, будь то религиозный), или державная политика» [21, С. 3]. Универсализм революционного и универсализм христианского толка ставились здесь на одну доску, тогда как на другой оказывались различные виды национально–державных учений. Такая классификация, пояснялось самим Н.В. Устряловым в статье «К вопросу о сущности «национализма», являлась следствием перехода от этической к эстетической системе координат.

Н.В. Устрялов никогда не являлся монархистом. Развиваемая им идея государственной диктатуры выходила за формат династического монархизма русских консерваторов. Не случайно, что события Февральской революции были встречены Н.В. Устряловым первоначально с большим воодушевлением. Будучи приват–доцентом Московского университета, он в популяризаторских целях разъезжал с курсом лекций по государственному праву по городам России, включая поездку на Юго-Западный фронт.

Впоследствии оценки Н.В. Устряловым Февральской революции будут сменены на прямо противоположные. Она в дальнейшем осмысливается им как низшая точка национального падения. Определяющим критерием устряловской оценки станет развал российской государственности. Политически беспомощной показала себя пришедшая к власти, но не сумевшая ею распорядиться прозападнически настроенная интеллигенция. Как национальный позор характеризовалась внешняя политика России февральского периода. Только большевики, подчеркивал Н.В. Устрялов, своей железной волей, энергией и штыками смогли остановить окончательный развал российской государственности [36].

Являясь членом партии Конституционных демократов, Н.В. Устрялов примыкал к правому струвевскому крылу кадетизма.

Для кадетского периода в его идейной эволюции было характерно резкое неприятие большевизма. Устряловская публицистика 1917–1918 гг. никоим образом не предвещала возможности будущего примирения с большевиками. «Мы, – писал Н.В. Устрялов ещё до наступления событий Октября, – не удовлетворились свободою и равенством. Мы захотели братства. Нам показалось мало хорошего государства. Мы захотели совершенного человеческого союза, «всемирного мира». Мы отказались от звания «граждан», чтобы стать «товарищами». Мы стояли внизу, на низшей ступеньке. Мы были подданными, рабами. Мы захотели стать не гражданами свободного государства, а сразу товарищами, братьями всемирного братства. И в результате остались рабами. Только взбунтовавшимися. Таков наш рок» [34, с. 17].

Первоначальная реакция Н.В. Устрялова на Октябрь заключалась в ощущении происшедшей с Россией национальной катастрофы. Революция характеризовалась им в газете П.П. Рябушинского «Утро России» как период глубочайшего падения, разложения, потрясения основ государственного бытия, отравления народного самосознания [35, С. 17.01]. О каком, казалось бы, примирении с большевиками и понимании созидательной роли могла идти речь в контексте следующей её устряловской оценки: «Во внутренней жизни неслыханное разложение, анархия, всеобщее озверение, полная неуверенность в завтрашнем дне, отсутствие элементарнейших гарантий, элементарнейшей безопасности, в международном отношении – беспримерное разрушение военной силы, унизительная капитуляция перед врагом, позорнейший мир, одиночество России в культурном мире. Крушение русской революции в мировом общественном мнении. Мировой провал русской демократии» [23, с. 16.03]. Большевики в тот период именовались Н.В. Устряловым не иначе как якобинцы. Прогнозировался скорый крах большевизма с сентенцией о грядущей расплате революционеров [28, С. 15.03]. Индикатором антинациональной природы революции служило в понимании Н.В. Устрялова подписание позорного Брестского мира.

Будучи представителем Калужского губернского комитета партии конституционных демократов и едва избежав ввиду этого в начале 1918 года ареста, Н.В. Устрялов перебрался на некоторое время в Москву, где совместно с другими кадетами – Ю.В. Ключниковым и Потехиным – организует издание еженедельника «Накануне», представлявшего собой особое направление кадетизма. Устряловские ожидания этого периода связываются с термидорианской трансформацией. «Накануне» Н.В. Устрялову предвидится образ грядущего диктатора России. Причём, пояснял публицист, его появление определяется не интервенционными или заговорщическими программами, а возрождением русского национального самосознания. «Диктатор, – писал он в свойственной афористической манере, – идет, не звеня шпорами и не гремя саблею, идет не с Дона, Кубани или Китая. Он идет «голубиною походкою», «неслышною поступью». Он рождается вне всяких «заговоров», он зреет в сердцах и в недрах сознания, и не известны еще конкретные формы его реального воплощения» [29, С. 6]. Образ национального вождя–

диктатора был имплементирован Н.В. Устряловым в дальнейшую разрабатываемую им модель организации национал–большевистской власти в России.

Апология национальной диктатуры разводила Н.В. Устрялова с либеральными воззрениями большинства кадетской партии. Им не принималась характерная для либералов ценностная ориентация на принципы правового государства. Сама идея права рассматривалась им как вторичная по отношению к государственной идеологии конструкция.

Другим принципиальным расхождением явилось отрицание «накануне» правильности курса на союз с Антантой. У России, полагали они, должны быть развязаны руки для выстраивания собственной внешнеполитической линии. Признавалась даже целесообразность заключения мира с Германией, с той оговоркой, что он должен быть подписан на более выгодных условиях, чем это произошло в Брест-Литовске. Данное позиционирование привело Н.В. Устрялова к определённой изоляции в среде либеральной интеллигенции.

Поиск «русского диктатора» привёл Н.В. Устрялова после ряда перипетий в колчаковский Омск. Там он при поддержке Ю.В. Ключникова, занимавшего пост министра иностранных дел Омского правительства, избирается председателем восточного кадетского бюро и возглавляет неофициально аппарат правительственной пропаганды. Лейтмотивом его выступлений в этот период являлась агитация за установление А.Ф. Колчаком «чистой диктатуры». Провал колчаковского предприятия не оставлял для Н.В. Устрялова в его поисках национального диктатора ничего другого, как обратиться со временем к обнаружению того в недрах большевизма.

Сотрудничество с колчаковцами заставило его принять решение об эмиграции. Поселившись в Харбине, он преподаёт на юридическом факультете местного русского университета, сотрудничает с рядом эмигрантских газет и журналов.

Переход Н.В. Устрялова на позиции национал–большевизма наметился еще в период Гражданской войны. Им указывалось в дневнике на ухудшение отношений с союзниками, активизацию внутреннего большевизма, рост самой черной и бессмысленной военной реакции, о том, что лишь немногие верят в победу над большевиками. Данные наблюдения приводят Н.В. Устрялова к выводу о целесообразности компромисса белого движения с советской властью. Ни одна сила, рассуждал он, включая большевиков, не способна изменить волевым образом историческое предназначение, а потому и логикой вещей большевизм от якобинства будет эволюционировать к наполеонизму» [7, с. 11]. Отсюда следовал поразивший многих бывших единомышленников Н.В. Устрялова призыв об интервенционной стратегии в отношении Советской России. «Поймите, – обращался он к бывшим соратникам по белому делу, – ныне уже невозможна антибольшевистская интервенция. Всякая интервенция будет ныне антирусской» [32, С. 11, 13, 17].

Война с Польшей как историческим противником России и переход к НЭПу окончательно убедили Н.В. Устрялова в существовании тенденции государственной трансформации большевизма. Совет-

ско-польская война не только для него, но и многих других патриотически мыслящих деятелей белого движения была воспринята как индикатор национальной переориентации большевиков. Россия вновь воевала с Польшей как со своим традиционным историческим соперником. Симпатии бывших противников советской власти переадресовывались теперь большевикам. «Поражение России в этой войне, – негодовал Н.В. Устрялов по поводу врангелевской солидаризации с поляками, – задержит надолго ее национально–государственное возрождение, углубит ее разруху, укрепит расчленение… Но зато ее победа вознесет ее сразу на былую державную высоту и автоматически откроет перед ней величайшие международные перспективы, которых так боятся ее вчерашние друзья… Ужели этого не чувствует Врангель?» [30, С. 72–73].

Оказавшись в эмиграции, Н.В. Устрялов вынужден был констатировать политический крах белого движения. Победа большевиков признавалась им историческим фактом, а не временным успехом, как воспринимало её большинство эмигрантской общественности. Дальнейшая борьба с большевизмом уподоблялась Н.В. Устряловым политическому донкихотству. Стратегической ошибкой «белых» являлась, по его оценке, обусловленная самой расстановкой сил излишняя связь с иностранными державами. «Почему, –задавался он вопросом на страницах сборника «Смена вех», – обращение революционеров к японскому правительству в 1905 году есть предательство, а обращение антиреволюционной интеллигенции к полякам – патриотизм?» Обращение белых к альянсу с геополитическими противниками предопределило наделение большевизма ореолом национального спасения. Посредством иностранных штыков, указывал Н.В. Устрялов, миссию возрождения России осуществить было невозможно. Напротив, за интернационалистской риторикой большевиков им распознавались практические действия по собиранию России, восстановлению её как великого и единого государства. Грядущий синтез белого и красного движений виделся Н.В. Устряловым в общности при всём различии идеологических путей, дальнейшей политической деятельности. Советская власть, предрекал он, будет вести борьбу за воссоединение окраин с центром под лозунгом мировой революции. Сторонники белого дела будут добиваться того же под знаменем великой и неделимой России. В дальнейшем Н.В. Устрялов всё более отходил от концепции двух путей в сторону трактовки большевиков в качестве единственной национально-ориентированной силы.

Взгляд на Советы как единственную в сложившихся условиях национально-русскую власть в России составил лейтмотив вышедшего в 1921 г. с его участием сборника «Смена вех». Книга была полемически направлена против веховского неприятия революции, трактовки ее в качестве антинационального искушения интеллигенции. В противоречии с фабулой «Вех» развивался взгляд о русских национальных – религиозных и моральных – основаниях революционного движения. Сменовеховцы приветствовали бывших представителей царской армии, примкнувших и большевикам, и даже посвятили сам сборник генералу Брусилову. Большевистский интернационализм представлял-

ся им не более чем камуфляжем. В конкретных исторических условиях, полагали сменовеховцы, только большевики способны восстановить национальную государственность, взять на себя миссию собирателей земли Русской. Революция в России была в их понимании не иносистемной экстраполяцией, а выражением духа народного бунта – «разинщины» и «пугачевщины». Участие в революционных событиях инородческих элементов преподносилось как факт вторичного значения и объяснялось увлечением тех бунтарской русской стихией. Более того, интернационализм рассматривался сменовеховцами в качестве важного стратегического орудия, обеспечивающего восстановление единого Российского государства и дальнейшее расширение его территориальных пределов.

Центральное место в «Смене вех» занимала статья Н.В. Устрялова «Patriotica». Повторяя название вышедшего в 1911 г. сборника под редакцией П.Б. Струве, она актуализировала задачу пересмотра веховских подходов. В резком диссонансе со сложившимися стереотипами звучало устряловское представление большевизма в качестве причудливо преломленного духа славянофильства. Даже, отвечал Н.В. Устрялов на распространение в эмиграции трактовки революции через призму инородческого заговора, если признать, что 90% революционеров составляли инородцы, главным образом евреи, это «не опровергает чисто русского характера движения» [16, С. 58]. Государство в устряловском понимании – это не только политический субъект, но и цель политики. Без мощной государственной власти, указывал Н.В. Устрялов, сойдут на нет все иные общественные институты, включая, к примеру, культуру, ибо только сильное государство способно обладать великим культурным потенциалом [16, С. 58].

С именем Н.В. Устрялова принято связывать генезис национал-большевистского направления в русской общественной мысли. Термин «национал–большевизм» был впервые введен в оборот видным представителем правого течения в немецком социалистическом движении Эрнстом Никишем. Применительно к устряловскому учению данный маркер первоначально использовался оппонентами. Однако затем и сам Николай Васильевич воспринял его как адекватное отражение сути выдвигаемого им подхода. В современном обществоведческом дискурсе единое понимание идеологической и социальной природы национал-большевизма достигнуто не было. Автор получившей широкую известность книги «Идеология национал-большевизма»

М.С. Агурский относил к нему «почти все ранние формы национального признания большевизма» [1, С. 316]. Наряду с устряловским направлением в ряды национал-большевиков он зачислял представителей «скифства», «литературных попутчиков», таких как Б. Пильман и М. Булгаков, народника–утописта А.В. Чаянова, И.В. Сталина и даже Л.Д. Троцкого (как создателя РККА). Венгерский историк Т. Краус давал определение национал-большевизма в России как сложного явления, составными частями которого выступали патриотизм, традиционный русский национализм и обновленный на основе власти большевиков этатизм [7].

Являлся ли Н.В. Устрялов сменовеховцем? В том смысле, что именно он объединил вокруг себя сторонников идеи пересмотра отношения к советской власти, – безусловно, да. Однако сменовеховство и национал–большевизм были не тождественны друг другу. Н.В. Устрялов упрекал «сменовеховцев» в утрате идеологической самостоятельности, итоговом растворении в коммунизме. Напротив, в устряловской теории большевизм как конкретно–историческое явление занимал подчиненное положение, находился на службе надвременной национальной идеи российской государственности [13].

В «Смене вех» понятийный конструкт национал–большевизма еще не использовался. Его восприятие сдерживало, в частности, использование данного маркера Карлом Радеком для обозначения коммунистов–националистов в Германии. Впервые применительно к сменовеховцам он был применен П.Б. Струве в ответ на адресованное ему в октябре 1920 г. в Крым устряловское послание. Критике в письме подверглась врангелевская ставка на помощь иностранных держав в борьбе против выступающей волей исторических обстоятельств в качестве единственной национально–державной силы советской власти. Реагируя на публикацию в эмиграции устряловской корреспонденции, П.Б. Струве обвинил ее автора в пропаганде заимствованного из германского политического арсенала национал–большевизма. Некоторые из «сменовеховцев» восприняли данный маркер в качестве самоидентификации. Термин «сменовеховство» проигрывал новому обозначению, как чрезмерно широкое понимание сотрудничества с советской властью. В отличие от него, понятие «национал–большевизм» указывало на вполне определенные идейные основания такого альянса, связанные с прививкой к большевизму идеологии национального возрождения.

Не только один Н.В. Устрялов среди мыслителей русского зарубежья самоидентифицировался в качестве национал-большевика. В устряловском смысле определял себя приверженцем национал–большевизма, к примеру, евразиец П.Н. Савицкий [12, С. 464].

После выхода сборника «Смена вех» фигура Н.В. Устрялова прочно ассоциировалась с большевистским направлением в эмигрантской мысли. Как и другие сменовеховцы, в начале 1920-х гг. он принимает советское гражданство. Будучи гражданином СССР, Н.В. Устрялов устраивается в 1925 году на работу в Учебный Отдел КВЖД. Кадетское прошлое и неортодоксальные взгляды не помешали ему занять по истечении трёх лет пост директора Центральной библиотеки. Поездка в Москву укрепила Н.В. Устрялова во мнении о национал–большевистской трансформации СССР и зарождении феномена советского патриотизма [33, С. 53].

Идейная эволюция Н.В. Устрялова в направлении национал-большевизма соотносилась с его биографической траекторией. Финальной смысловой точкой этого пути должно было стать возвращение в СССР. После продажи в 1935 году КВЖД в Маньчжурии это возвращение стало реальностью. Вопреки тенденциям унификации научной мысли в Советском Союзе, в течение двух лет национал–большевистский теоретик являлся профессором экономической географии Московского института транспорта. Но это, в

условиях развернувшегося в СССР «большого террора», не могло продолжаться достаточно долго.

Парадокс заключался в том, что видный апологет большевизма был репрессирован самими большевиками. Видение Н.В. Устряловым сущности сталинского режима существенно расходилось с реальной практикой. Устряловские национал–большевистские концепты оказались в СССР не востребованы. Если И.В. Сталин и являлся, как считают теперь многие, национал–большевиком, то по меньшей мере никогда публично этого не признавал. Состоявшаяся 14 сентября 1937 года Военная коллегия Верховного Суда СССР на основании статей 58-1 (а), 58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР приговорила Н.В. Устрялова к высшей мере наказания – расстрелу, с конфискацией имущества. Подсудимый обвинялся в том, что, являясь с 1928 года агентом японской разведки, вел шпионскую работу в пользу Японии. Основанием к обвинению послужила информация о чтении им курса лекций в школе по подготовке японских разведчиков города Харбина. Кроме того, идеолог национал–большевизма обвинялся в установлении с 1935 года связей с М.В. Тухачевским, от которого получал сведения о подготовке террористических актов против партийного и советского руководства. Возможно, побудительным мотивом зачисления его в ряды «военных заговорщиков» послужило рассуждение о вероятности сценария небольшого дворцового переворота в России, призванного устранить наиболее одиозные фигуры руками их собственных сподвижников. Третьим компонентом осуждения явилось приписываемое Н.В. Устрялову введение активной контрреволюционной пропаганды и распространения клеветы на лидеров ВКП(б). Приговор суда в тот же день был приведён в исполнение.

Первая попытка реабилитировать Н.В. Устрялова, предпринятая по ходатайству супруги репрессированного в 1955–1956 гг., была отклонена. На национал-большевиков реабилитационные принципы в период «хрущевской оттепели» еще не распространялись. Только в октябре 1989 г. Н.В. Устрялов был реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Гегелевско-устряловская диалектика и исторический процесс

Исторические воззрения Н.В. Устрялова определялись представлением о детерминированности общественного развития. Человек, полагал он, не может изменить ход истории волевым образом. Политическая деятельность может лишь заключаться в своем соотнесении с «разумом эпохи». Историческая личность оказывается здесь не более чем средством в руках «Лукавого Разума». «Одно дело, – пояснял Н.В. Устрялов свою позицию, – субъективные умыслы, чаяния, стремление агентов исторического развития, другое дело – его объективная логика» [30, с. 372]. Данный дискурс служил ему для обоснования предопределенности процесса национал-большевистской трансформации советского режима. Даже являясь ортодоксальными коммунистами, большевики будут вопреки своим изначальным убеждениям реализовывать объективно заданное предначертание исторического развития. Конкретные воззрения политических персонажей рассматрива-

лись Н.В. Устряловым как нечто несущественное по отношению к высшим законам истории. Трансформация большевизма в национал-патриотическом ракурсе, продолжал он свои рассуждения, будет предопределена здравым смыслом народной жизни, нерефлексивным историческим чутьем широких масс. Возрождение России определяет в конечном итоге «тот государственный стихийный институт, которым создавалась и крепла русская земля» [30, С. 368].

Развитие общества, полагал Н.В. Устрялов, определяется не замыслами даже самых влиятельных политиков, а исторически сформировавшейся психологией народных масс. Марксизм, как и иные экспортированные извне теории, рано или поздно будет адаптирован к русской национальной онтологии. Провозгласившие диктатуру пролетариата большевики будут вынуждены в конечном итоге опереться на составляющие большинство российского населения крестьянские массы. Рассмотрение Н.В. Устряловым исторического процесса через парадигму национальной психологии позволяет классифицировать его воззрения в качестве своеобразного синтеза неокантианской и гегельянской методологий.

Синтезирование дихотомий представляло собой специфический устряловский метод теоретического конструирования. Основанием для него послужила теория «цветущей сложности», положения которой были почерпнуты Н.В. Устряловым в трудах Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьёва, М.-Ж. Гойо. Система представлялась ему наиболее устойчивой, если в ней примиряются между собой крайние полюсы, каковыми, к примеру, являлись большевизм в крайне левой части общественного спектра и национализм – в крайней правой. Напротив, монистические модели как предельно упрощённые построения не обладают достаточным жизненным потенциалом. Именно такого рода монистичность была характерна, согласно Н.В. Устрялову, для ранней стадии идейной эволюции большевизма. Катаклизмы первых лет Советской власти связывались с коммунистическим догматизмом, непониманием многоаспектной сложности жизни. Задача самосохранения власти вынуждали её отказаться от монистичности в пользу дуальной национал–большевистской модели.

Если гегелевская диалектика была акцентирована на категории отрицания, то в опирающейся на гегельянство философии Н.В. Устрялова получили развитие идеи синтеза. Устряловское учение могло бы быть определено как синергетическое. Его лейтмотив заключается в «снятии противоположностей». Национал- большевизм и явился такого рода синтезом. Впрочем, оговаривался Н.В. Устрялов, большой исторический синтез между великими идеями – силами достигается не сговорами и компромиссами, не «мирным обновлением» и лоскутным и эклектическими помесями, а жестокой борьбой, испытанием огнем и железом. Это подразумевало, что кажущаяся непримиримой борьба патриотов и революционеров есть лишь залог прочности грядущего национал- большевистского синтезирования их идей [31, С. 115].

Гегельянская составляющая воззрений Н.В. Устрялова выразилась в раскрытии дуалистической природы революции. Сообразно с гегелевским подходом, в разрушении дореволюционной системы обнаруживалась парадигма созидания, в отрицании – логика восстановления. Рассуждая о

неизбежности и плодотворном значении революции, Н.В. Устрялов писал: «Разрушение страшно и мрачно, когда на него смотришь вблизи. Но если его возьмёшь в большой перспективе, оно – лишь неизбежный признак жизни» [19, С. 255]. Парадоксально эпатирующе для восприятия в эмигрантских кругах звучали устряловские афоризмы об оживляющей силе революционного яда.

«Революционный смерч, – переносил Н.В. Устрялов диалектику гегелевского подхода применительно к конкретно- исторической ситуации развития России, – не в состоянии всецело отменить старой жизни». Отрицание первоначального тезиса никогда не имеет характер тотального отторжения, приводя в конечном итоге к его восстановлению на новом, модифицированном уровне и с новым качеством. Размах отрицания в этом смысле определяется Н.В. Устряловым как «свидетельство жизненности организма». «Марксова борода, – резюмировал он таким образом содержание эпохи революционного отрицания в России, – по-своему… «переваривается» русской действительностью, логическая и психологическая пестрота революционной весны «утрясается», приобретая цельный стиль и единое культурно-национальное устремление… народ приходит к осознанию новой своей государственности» [30, с. 392]. Гегелевская триада диалектического восхождения раскрывалась Н.В. Устряловым следующим образом: тезис – русский национализм, антитезис – большевистский интернационализм, синтез – национал–большевизм.

Общий тренд развития СССР определялся формулой «национализации Октября». Коммунистический утопизм, полагал он, все в большой степени год от года будет вытесняться русским патриотизмом. В итоге, пройдя через период революционного отрицания, Россия, считал Н.В. Устрялов, предстанет более национально–ориентированной страной, чем она была при императорской власти.

Славянофильство и национал-большевизм

С лёгкой руки М.С. Агурского сложилось мнение о славянофильских основаниях воззрений Н.В. Устрялова [1, С. 316]. В действительности, относясь с высоким пиететом к славянофилам как национально-ориентированным мыслителям, им была создана теория, расходящаяся с философией славянофильства по всем основным параметрам.

Для Н.В. Устрялова совершенно неприемлемым являлось приоритетное по отношению к государственной власти положение православия. Именно государство, а не Церковь воспринималось им в качестве высшей ценности. Православная религия вполне могла быть заменена коммунистической идеологией, если эта замена не умаляла российского государственного величия. Для славянофильствующих авторов отречение от православия в пользу империи не представлялось возможным.

Не разделал Н.В. Устрялов и тезиса Константина Аксакова о подсознательном неприятии русским человеком государственнического формата. Представление о русских как народе–анархисте получило довольно широкое распространение. В противоречии с ним Н.В. Устрялов утверждал о психологической народной предрасположенности к сильному государству.

Хомяковская дихотомия внешнего – государственного и внутреннего – соборного устройств им категорически не принималась. Устряловские воззрения характеризовались пан–этатизмом. Государство всегда выступало для него высшим мерилом исторического развития. Не испытывал Н.В. Устрялов славянофильского неприятия ни в отношении к фигуре Петра I, ни к петербургскому периоду отечественной истории. Напротив, образ царя–преобразователя весьма привлекает его аккумулированной в нём государственной мощью.

Исследователями творчества Н.В. Устрялова отмечается генетическое восхождение его воззрений к концепции «охранительного социализма» К.Н. Леонтьева. С одной стороны, из леонтьевского наследия была воспринята эстетика имперских форм государственности. Ценность государства связывалась им не с этической правдой, а именно с эстетической привлекательностью актуализированной в ней силы. «Начало Красоты, – пояснял Н.В. Устрялов ещё в дореволюционный период, – выше и «окончательнее», нежели начало Добра» [27, С. 12].

Другим заимствованным у К.Н. Леонтьева положением являлся тезис о том, что только социализм способен «подморозить» разлагающийся имперский организм России. Именно большевики, в понимании Н.В. Устрялова, смогли бы в создавшихся условиях применить и к российской действительности старое петровское средство «узды железной» [9].

Эстетика Н.В. Устрялова: оправдание зла

Национал–большевизм Н.В. Устрялова был прежде всего эстетическим выбором. Устряловская эстетика была направлена против коррозии буржуазного мещанства. Отдельные пассажи выдвигаемой критики западной мещанской обывательщины как бы репродуцировали пафос героев Ф. Ницше. Сам Н.В. Устрялов проводит параллели в своём обличении «усталого человечества» с ницшеанским Заратустрой. Буржуазному человеку «ленивого мира» и «трусливого компромисса» и противопоставляется дух имперского созидания.

Устряловская эстетическая оценка революции вступала в конфликт с традицией её этической интерпретации в среде русского зарубежья. Большевизм устами Д.С. Мережковского представал абсолютным воплощением зла, что исключало возможности компромисса [11]. Вступив с ним в полемику, Н.В. Устрялов выдвинул свой, специфический для контекста отечественной мысли подход к понимаю основных этических категорий. Абсолютного зла, поправлял он Д.С. Мережковского, в длящемся земном историческом процессе не существует. О зле поэтому можно вести речь только в гипотетическом смысле. В реальной жизни добро и зло настолько переплетены, что ни одна система и ни один субъект не будут абсолютно злыми или абсолютно добрыми. Каждое историческое явление, полагал Н.В. Устрялов, есть смесь этих двух начал. Зло столь же необходимо, как и добро. Исторически именно оно выступает в качестве практического орудия добра, поскольку последнее, взятое само по себе, оказывается лишено рецептуры деятельности, связанной всегда на государственном уровне с применением насилия.

Устряловская эстетическая реабилитация зла встраивалась в гегелевскую диалектику. Пожалуй, впервые в истории философской мысли гегельянство получало аргументационное обоснование через призму эстетики. Зло, соотносимое Н.В. Устряловым с диалектическим разрушением (гегельянским антитезисом отрицания), преподносилось как непременная стадия восхождения к созиданию, а соответственно и к добру. Революция, сообразно с этой логикой, привнося разрушение и воспринимаемая воплощением зла, служит в действительности высшему идеалу добра. Мир, ссылался Н.В. Устрялов на религиозную метафизику, «во зле лежит», а следовательно, вне его исторически не осуществим ни один общественный феномен. Методологическая ошибка противников революции виделась им в смешении понятия «правды» в двух ее ипостасях – «предельной правды Божией» и «правды в ее естественном, объективном, жизненном воплощении» [30, с. 462–463]. Идеализированная оценка на предмет соответствия абсолютным этическим ценностям выступает, указывал он, помехой для реализации правды в ее практическом, земном измерении. Таким образом, констатировал Н.В. Устрялов, мерить большевизм высшей планкой христианских добродетелей исторически безответственно.

Со временем Н.В. Устрялов описывал в эстетических категориях саму революцию. Она теперь представляется ему, сообразно с высказыванием Л.Д. Троцкого, как «неистовое вдохновение истории». Распознать ее подлинное величие препятствует аберрация близостью. Уместно говорить о конструировании особой устряловской мифологии революции. Вопреки реальной политической конъюнктуре 1917 г., революция описывалась Н.В. Устряловым как «патриотический символ», «национальный долг», «клич победы» [37, С. 74].

Макиавеллизм Н.В. Устрялова заключался в принятии основной его формулы об оправдании цели средствами. В этом плане устряловская максима принципиально не отличалась от ленинской. Н.В. Устрялов, опираясь на труды одного из наиболее любимых своих мыслителей – французского консерватора Ж. де Местра, идет даже дальше итальянского философа. Макиавеллевская формула «цель оправдывает средства» заменяется местровско–устряловским императивом «цель оправдывает жертвы» [30, с. 330]. Насилие и жестокость, полагал Н.В. Устрялов, являются непременными спутниками истории. Планка политического аморализма снижалась лишь посредством оговорки о том, что жертвы могут быть допустимы, только когда они действительно необходимы для достижения постановленных целей.

Модель идеократии: основания национальной диктатуры

Не будучи адептом религии, Н.В. Устрялов вместе с тем не является материалистом. Эпоха материализма, полагал он, идет к своему завершению. Генерируется новая общественная система, переориентированная от материальных к духовным ценностным координатам. Предвестником будущего Н.В. Устрялов оценивал феномен тотальной тоски по миросозерцанию. «В то время, – цитировал он слова итальянского

янского философа А. Бруэро из «Анти-Европы», – как современная эпоха проникнута законами материи, в глубине человеческого сознания зреет великая реакция в защиту духовных ценностей. В ближайший исторический момент свершится огромное алхимическое преображение материальных ценностей: кризис превращения материи в идею» [31, С. 93].

Н.В. Устряловым было предложено оригинальное психологическое понимание природы государственной власти. Само государство мыслилось им как «заложенный в таинственной глубине человеческой психики» феномен. Оно, полагал Н.В. Устрялов, имманентно связано с душевной природой человека, а потому не может быть упразднено в обозримой исторической перспективе в антропологическом смысле. Сообразно с этим взглядом им развивалось представление о несиловых, неинституциональных основаниях государственности. «Не физическая сила, не пушки и не кулаки, а души человеческие» составляют, согласно Н.В. Устрялову, кирпичики государственного строительства. Поэтому идеократия, полагал он, есть функционально наиболее естественная организация государства. Не случайно, указывалось им, коммунизм и фашизм претендуют не только на политическое, но и миросозерцательное водительство. Назначение власти, в устряловской интерпретации, заключается не только в том, чтобы «пасти тела, но и ковать души» [31, С. 93].

Еще не будучи национал-большевиком, Н.В. Устрялов выступил с рассуждениями об исторической необходимости демократических принципов организации государства. Бывают ситуации, указывал он, когда формальная демократия не может быть приемлема. Она допустима в условиях мирного времени. Однако чрезвычайная ситуация предполагает чрезвычайную модель управления. В качестве такой «чрезвычайки» Н.В. Устряловым и мыслилась национальная диктатура. Игры в представительную демократию, оперирование идеалами «гражданского общества» и «правового государства», предостерегал он, погубят в конечном итоге белое движение. Стоит ли говорить, что эти устряловские предсказания стали в скором времени политической реальностью. Другим губительным для белого дела фактором преподносилась Н.В. Устряловым своекорыстная политика псевдосоюзников, преследующих, под предлогом оказания военной помощи, цели расчленения между собой территориального пространства России.

Для воззрений Н.В. Устрялова характерно отрицание весомой значимости в качестве средства государственного управления института права. Тезис о вторичности правовых управленческих механизмов в России определял оппозицию устряловского подхода взглядам представителей либеральной мысли. В протесте Н.В. Устрялова против ценностей абсолютизации права особо значимым представляется то, что исходил он от профессионального правоведа. Правовые механизмы рассматривались им как приводные ремни государственной идеологии. Выше норм права в устряловской иерархии находились категории нравственности, эстетики и религии [24, С. 6–8].

Вместе с тем такая позиция Н.В. Устрялова не означала правового нигилизма. Право признавалось как важный, хотя и не

главный инструмент народной жизни. Недооценка правовых механизмов, характерная, к примеру, для воззрений Л.Н. Толстого, оценивалась Н.В. Устряловым как существенное заблуждение. Критика права у Н.В. Устрялова выражалась прежде всего в критике нормативизма.

Ввиду того, что государственность номинировалась Н.В. Устряловым как наивысшая ценность, то отрицающие ее концепты характеризовались в качестве проявления общественного вырождения. В ракурсе социальной энтропии трактовались им, в частности, феномены либерализма и демократии. Однако их время, констатировал Н.В. Устрялов под впечатлением успехов государств нового типа – коммунистических и фашистских, – уже безвозвратно прошло. Вместе с XIX в. канула в Лету сакрализация парламентаризма и прав человека. «Все, что от демократии, – звучал устряловский этатистский вердикт, – гнило, негодно, презренно». Для России же демократическая организация власти особо опасна. Она, полагал Н.В. Устрялов, угрожает сбить ее с национального пути развития, лишить собственного самобытного бытия. Демократия, утверждал он, соотносится с западными канонами развития. Отказ от «великой революции» в пользу «мирной демократической конституции» – худшее, что может быть уготовлено для России. Заимствование западной демократии тем более бесперспективно, что на самом Западе, согласно устряловскому диагнозу, она пребывает уже в предсмертном состоянии. Окончательная гибель ее от «морально-политической малярии» рассматривалась Н.В. Устряловым как событие ближайшего будущего.

Буржуазную формальную демократию, предсказывал Н.В. Устрялов, должна сменить идеократическая диктатура. Диктаторский автократизм не только не противоречит идеократии, но и является наиболее адекватной по отношению к ней политической системой. Диктаторы так или иначе выступают приверженцами определенных идей. Имея абсолютную власть над людьми, они сами находятся в плену избранных ими когда-то принципов. Идеи, таким образом, управляют государствами через сознание вождей. Идея диктатора становится идеей народа.

Любое государство, утверждал Н.В. Устрялов, обладает собственной неповторимой идеей, считая ее «истинной, достойной, праведной, и в духе этой конкретной, положительной идеи укрепляет себя и формирует своих граждан» [26, С. 144]. Порочность либерализма виделась ему именно в том, что навязываемый всем народам единый универсалистский концепт мешает их идейному самосознанию и национальным формам бытия.

Сущность мировой политики виделась Н.В. Устрялову в борьбе этих «идей сил». Каждый народ, согласно устряловскому пониманию, исторически утверждает, что его национальная идея выше и совершеннее, чем у других. Если же такое стремление отсутствует, то можно диагностировать утрату соответствующим народом смысла своего бытия [37, С. 74–76].

Либерализм отвергался также Н.В. Устряловым как концепт, лишающий человека сферы эмоционально–психологического бытия. Он обессмысли-

вает национальную государственность. «Правовое государство, свободы и самоопределение личности, – обличал Н.В. Устрялов с позиций идеократической диктатуры пороки либерализма, – с его благородным непредрешенческим формализмом не годится, «не звучит» в такие времена: вместо хлеба и веры оно предлагает камень безбрежного выбора. Оно не холодно и не горячо – оно тепло. Оно – организованное сомнение, а люди требуют спасительной очевидности» [26, С. 123].

Национал - большевистские воззрения Н.В. Устрялова были оформлены в самостоятельный концепт еще до прихода к власти в Италии Дж. Муссолини. Естественно, что феномен фашизма не мог быть обойден его вниманием хотя бы в силу определенной теоретической общности с национал–большевизмом. Тенденции большевизации и фашизации Европы интерпретировались Н.В. Устряловым как свидетельство торжества идеи сильного государства. Диктатура представлялась ему более совершенной в управленческом смысле моделью в сравнении с парламентской демократией. Однако сопоставление советской коммунистической системы с итальянским фашизмом и германским нацизмом заставляло отдать безусловное предпочтение именно реализованному в СССР национал–большевистскому варианту. Имея в виду этатистский ракурс устряловского измерения, Советский Союз представал более мощной державой, нежели Италия или Германия. Парадокс обнаруживался в том, что фашистский концепт всемогущества государства находил более широкий формат воплощения в СССР, чем в собственно странах, избравших идеологию фашизма. С другой стороны, личные права и свободы граждан, а также принципы социального равенства реализуются в Советском Союзе опять-таки в большей степени, нежели в государствах фашистского типа. Особая критика в адрес фашизма связывалась с подменой в нем национальной идеи идеей расового превосходства. Будущее развитие Европы и мира виделось Н.В. Устрялову в синтезе коммунистической и фашистской идеологии. Синтез такого рода, полагал он, приведет к переходу от узконациональной к наднациональной государственности. Советский Союз определялся Н.В. Устряловым в этой связи в качестве исторически первого наднационального государства в мире.

Мотивы зарождающегося национал–социализма прослеживаются в интерпретации Н.В. Устряловым исторической природы христианства. В своих рассуждениях он солидаризируется с подходом рецензируемого им австрийского писателя Р.Н. Кудехова-Калерги, противопоставлявшего две трактовки раскрытия образа Христа. Сталкивались варварская «северная» и гностическая «южная» традиции христианства. Безусловное предпочтение отдавалось Северу. Именно там образ Христа преподносился в виде «солнечного героя», тогда как на Юге он раскрывался в ракурсе философии упадничества. Понятно, что такого рода воззрения были весьма далеки от ортодоксальных подходов православия. Да и в отличие от большинства других представителей русской консервативной мысли последовательным адептом православного учения Н.В. Устрялов никогда не являлся [20, С. 17].

Потенциал большевизма измеряется Н.В. Устряловым прежде всего его воз-

можностями быть использованным в качестве орудия российской внешней политики. Через ставку большевиков на мировую революцию, полагал он, исторически реализовывалась миссия укрепления положения России в международной конфигурации сил. В этой связи борьба с большевистским правительством квалифицировалась Н.В. Устряловым как борьба с российской государственностью.

«Большевизм, – раскрывал свою мысль Н.В. Устрялов в сборнике «Смена вех», – с его интернациональным влиянием и всюду проникающими связями становится прекрасным орудием международной политики России» [16, С. 58]. Еще при жизни В.И. Ленина им констатировалось снятие концепта мировой революции с повестки практической реализации. Чтобы спасти Советы, формулировал он очередной афоризм, Москва жертвует коммунизмом. В.И. Ленин с принятием нэповского курса уже не смотрел на Россию как некое экспериментальное по отношению к коммунистической практике поле. В России, резюмировал Н.В. Устрялов, идет революционная ликвидация революции.

Н.В. Устрялов являлся приверженцем унитарной модели государственности. Национально – территориальное устройство федератив-ного типа в СССР естественно противоре-чило устряловскому идеалу. Однако идеолог национал–большевизма считал такое положение временным. «Мелко-буржуазный» принцип самоопределения наций большевики, по его мнению, в будущем пересмотрят. На это, продолжал он свои рассуждения, указывает как сама логика центростремительного развития, так и противоречащие положению о национальных суверенитетах лозунги «всемирной пролетарской революции» и «диктатуры пролетариата».

Восстановление государственности связывалось Н.В. Устряловым не только с имперской политикой центра. Российская периферия после краткосрочного периода самостийничества также обнаружила в себе государственнические ориентиры развития. Окраины, констатировал Н.В. Устрялов, не могли существовать без наличия державного центра. В качестве примера политической несостоятельности принципа государственного самоопределения малых народов рассматривалась политика возникших на постимперском пространстве национальных республик – Украины. Грузии, Азербайджана, Армении. Суверенизация, предупреждал Н.В. Устрялов, неизбежно приводит к балканизации. Угроза переноса на Россию ситуации перманентного конфликта малых наций на Балканах, определялась в качестве одного из главных политических вызовов. Негативный опыт решения национального вопроса в Европе оценивался Н.В. Устряловым как свидетельство деструктивной роли концепта самоопределения народов [16, С. 18].

На государство помимо политических и управленческой функций возлагалась Н.В. Устряловым миссия культурного строительства. Примирить новую советскую и старую русскую дворянскую культуру было еще более сложно, чем добиться примирения большевистской и императорской модели государственности. Многих представителей творческой интеллигенции отталкивало от большевизма прежде всего его пролеткультовское обрам-

ление. Однако сменовеховцы смогли обнаружить у большевиков реализацию назревшей задачи модернизации культуры. Программами борьбы с безграмотностью и тому подобными мероприятиями они восстанавливали единое всероссийское культурное пространство.

Весьма критически оценивалась Н.В. Устряловым роль, которую на переломном для России этапе сыграла русская интеллигенция. В упрек ей ставился узкий исторический кругозор мысли. Она оказалась не способна ни к познанию истинных смыслов революции, ни к собственному духовному самоопределению в революционном процессе. Не были вскрыты диалектическая сложность революции, ее светлые и темные лики. Для такого познания, указывал Н.В. Устрялов, «нужно прежде всего познать себя» [30, С. 482]. Грядущая миссия интеллигенции виделась в этой связи в оплодотворении революции национальной культурой и выработке на полученной основе ценностных целей дальнейшего государственного развития.

Теория термидора и практика советской государственности

Матрицей для изучения революционных процессов в России явилась для русской интеллигенции, как известно, история Великой Французской революции. Сверка развития российских событий по «французскому календарю» имела характер всеобщего увлечения. Не избежал ее и Н.В. Устрялов. Устряловский сценарный прогноз выстраивался на основе концепта о большевистском термидоре. Н.В. Устрялов был далеко не единственным автором, экстраполировавшим термидорианскую схему на российский политический процесс. Однако предложенное им понимание существенно расходилось с выдвигаемыми в эмигрантской среде подходами. Устряловская позиция в отношении сущности большевистского термидора окончательно сформировалас в ходе газетной полемики с представителем левого направления в кадетизме С.Б. Мирским. Знаковым явлением для термидорианской перспективы в России виделись последнему события Кронштадтского мятежа. Термидор, по мысли С.Б. Мирского, будет заключаться в отстранении большевиков от политической власти. В отличие от него, Н.В. Устрялов полагал, что изменение в термидорианском духе произойдет в России при инициирующей роли самого большевистского руководства. Смена властных групп не представлялась здесь обязательной. Кроме того, реальной термидорианской альтернативы большевикам ни внутри России, ни за ее пределами Н.В. Устрялов не обнаруживал. «Путь термидора, – возражал он С.Б. Мирскому, – есть путь эволюции умов и сердце, сопровождавшимся, как сказать, легким «дворцовым переворотом», да и то прошедшим формально в рамках революционного права» [25, С. 69].

Расхождения прошли и по вопросу определения типа термидорианца. Согласно С.Б. Мирскому, термидор обусловил приток во власть новых бюрократических кадров, сменивших вчерашних санкюлотов, выходцев из купцов, бывших дворян, зажиточных буржуа. Н.В. Устрялов, не отрицая возможности кадровой ротации, считал этот процесс вторичным по отношению к перерождению самой власти. «Якобинцы, – продолжал он свою полемику с С.Б. Мирским, – не пали, они переродились в своей массе. Якобинцы, как извест-

но, надолго пережили термидорианские события – сначала как власть, потом как влиятельная партия. Сам Наполеон вышел из их среды. Робеспьер был устранен теми из своих друзей, которые всегда превосходили его в… кровожадности. Если бы не они его устранили, а он их, результат оказался бы тот же: гребень революционной волны, достигнув максимальной высоты, стал бы опускаться» [25, С. 72]. Устряловская теория «самотермидоризации» заняла свое особое место в арсенале матричных трактовок Великой Французской революции применительно к российскому революционному процессу. Однако по прошествии десятилетия после выхода сборника «Смена вех» Н.В. Устрялов вынужден был констатировать, что сценарий русского термидора не состоялся. Российская революция не укладывалась в схематические рамки революции во Франции, развиваясь по своим собственным, связанным с национальным контекстом законам.

Отношение Н.В. Устрялова к НЭПу определялось не самим содержанием нэповского курса, воспринимаемого им довольно критически, а его значением в качестве отступления от ортодоксальных схем коммунистической идеологии. «Спасительный путь термидора – НЭП», – формулировалось им со страниц сменовеховского сборника. Крылатым в 1920-е гг. стало устряловское выражение о нэповском «спуске революции на тормозах». В коллизиях установления НЭПа в России Н.В. Устрялов обнаруживал противоречия эволюции и тактики большевистского режима. Вектор эволюции виделся ему в термидорианском перерождении революции. Тактика же связывалась с близоруким ортодоксальным коммунистическим сопротивлением эволюционным процессам. Когда же наконец большевики осознают историческую необходимость переориентации на национальные рельсы развития, противоречия между эволюцией и тактикой будут устранены.

Впрочем, НЭП как хозяйственная система не представлялась Н.В. Устрялову особо привлекательной. В устряловских работах содержались многочисленные оговорки о рисках экономической либерализации. К таковым, например, относилось неограниченное задачами поддержания государственного суверенитета распространение института частной собственности. Не воспринималась Н.В. Устряловым приемлемой для России и характерная для Запада модель капиталистической организации. В начале 1930-х гг., под влиянием возрастания в условиях мирового кризиса регулирующей роли государства, у Н.В. Устрялова формируется концепт об этатизации национальных экономик.

Оценка Н.В. Устряловым феномена Новой экономической политики большевиков существенно расходилась с подходом к ней других представителей сменовеховской мысли. Для большинства сменовеховцев НЭП являлся позитивным свидетельством термидорианской трансформации большевизма. Н.В. Устрялов находил тому иные подтверждения. НЭП рассматривался им в большей степени как угроза, «экономический Брест большевизма». Допущение в экономически разорённую страну иностранных капиталов означало, в устряловском понимании, вызов государственной самостоятельности. Вслед за тор-

гово-финансовым проникновением, предупреждал он, могут наступить «попытки интервенции и дружеских оккупаций». Период НЭПа рассматривался Н.В. Устряловым отнюдь не как советский термидор, а время затишья перед новым наступлением национально–державных сил.

Гораздо в большей степени, чем НЭП, убеждало Н.В. Устрялова в национальной эволюции большевизма выдвижение концепта построения социализма в одной стране. Он пристально следил за тем, как идея мировой революции постепенно вытесняется из большевистского идеологического арсенала. Принятая В.И. Лениным в качестве тактического хода в сталинские годы доктрина построения социализма в одной стране приобрела уже характер официальной идеологемы.

В противоречии с прежним нэповским курсом Н.В. Устряловым провозглашается идеал построения советской автаркии. СССР, согласно устряловской рецептуре, должен был стать «в известном смысле самодостаточной, самодовлеющей страной». Именно такая система, полагал Н.В. Устрялов, в наибольшей степени соотносится со стоящими перед государством задачами индустриализации [37, С. 72].

Советской модели отдавалось даже преимущество в сравнении с государственной системой поздней Российской Империи. Национальная идея, провозглашалось в редакционной статье первого номера журнала «Смена вех» (одноименного с названием вышедшего ранее сборника), была очищена великой русской революцей от «реакционной ржавчины». Оказавшись невосприимчивой к вызовам времени, императорская форма государственности разрушилась, сохранив вместе с тем под новой большевистской вывеской свое национальное содержание. Славянофильство взяло верх посредством русской революции над западничеством [16, С. 18].

Идейное отчуждение

Эволюцию идейных воззрений Н.В. Устрялова завершило выдвижение тезиса об И.В. Сталине как о типичном национал–большевике. А как же сами большевики отнеслись к устряловским изысканиям? Нельзя сказать, что они остались незамеченными. И В.И. Ленин, и И.В. Сталин были по меньшей мере знакомы с его воззрениями, ссылаясь на них с трибуны партийных съездов. Однако принять философа национал-большевизма в качестве «своего» они не могли. Для В.И. Ленина Н.В. Устрялов олицетворял собой образ «классового врага», для И.В. Сталина – «идеологического попутчика». Откровенным классовым врагом охарактеризовал его В.И. Ленин в политическом отчете ЦК РКП(б) XI съезду 27 марта 1922 года. Комментируя реакцию на НЭП со стороны идеологов сменовеховства, он указывал, что «некоторые из них прикидываются коммунистами, но есть люди более прямые, в том числе Устрялов. Кажется, он был министром при Колчаке, который своим прямым заявлением об эволюции приносит нам большую пользу, потому что ...враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед нами стоит» [8, с. 256–258]. «Я, – интерпретировал В.И. Ленин позицию Н.В. Устрялова, – за поддержку Советской власти в России, … хотя был кадет, буржуа, поддерживал интервенцию. – Я за поддержку Советской власти, потому что она стала на дорогу, по которой катится к обычной буржуазной власти» [8, С. 94].

В.И. Сталин упоминал фигуру Н.В. Устрялова в своём докладе на XIV съезде ВКП(б) 1925 г., демонстрируя знание не только его идейных позиций, но и характера служебной деятельности. «Он, – пояснял Генеральный секретарь съездовским депутатам, – служит у нас на транспорте. Говорят, что он хорошо служит, то пусть мечтает о перерождении нашей партии. Мечтать у нас не запрещено. Пусть себе мечтает на здоровье. Но пусть он знает, что, мечтая о перерождении, он должен вместе с тем возить воду на нашу мельницу. Иначе ему плохо будет» [17, С. 342]. С непосредственной критикой устряловских воззрений выступали и другие большевистские лидеры –Г. Зиновьев, Н. Бухарин, М. Рютин. Л.Д. Троцкий использовал факт устряловской апологии сталинской системы в качестве аргумента буржуазного перерождения советского режима. «Вы знаете, – заявлял он в июне 1927 г., – Устрялов не нас поддерживает, он поддерживает Сталина… И этот выразитель настроений новой буржуазии понимает, что только сползание самих большевиков может наименее болезненно подготовить власть для новой буржуазии» [18, С. 91–93].

Само двухосновное понятие национал–большевизма указывало на дуалистическую природу устряловского учения. Этот дуализм многие из оппонентов Н.В. Устрялова восприняли в качестве его идейных противоречий. В действительности речь шла об оперировании им гегельянским диалектическим методом. Противоречия разрешались через принятие закона «отрицания отрицания». Сам Н.В. Устрялов вполне понимал, что воспринимается фигурой крайне противоречивой, если даже не «предателем» и «циником». Об этом свидетельствовала его реакция на демонстративный разрыв отношений с бывшим другом по студенческой скамье Н.А. Цуриковым. Причина непонимания объяснялась самим Н.В. Устряловым демонстрированием «монопланного мирочувствия». Не это ли сохраняемое в общественных науках монистическое объяснительное моделирование по сей день приводит к упрощённо–деформированному восприятию устряловского учения?

Таким образом, созданная Н.В. Устряловым концепция национал–большевизма опиралась на глубокую и многоаспектную теорию. Однако, не найдя последователей, она не превратилась в идеологию и не стала основой формирования соответствующего общественно-политического движения. Практика государственного строительства в СССР, хотя и трансформировалась в значительной мере по лекалам устряловского учения, не вышла на принятие идеологем национал-большевизма. В этом отношении можно констатировать, что учение Н.В. Устрялова не получило должного развития в истории общественно-политической мысли. Но сегодня устряловские теоретические положения приобретают особую востребованность. Задача достижения гражданского мира через соединение патриотики – «за Российскую Империю» с патриотикой – «за Советский Союз» актуализирует обращение к теории национал-большевизма Н.В. Устрялова.

Библиография:

1. Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. – М.: Алгоритм, 2003. – 316 с.

2. Булычева М.В. Политическая концепция государства в теоретическом наследии

Н. В. Устрялова. Дис.... канд. полит. наук. – Саратов, 2007. – 192 с.

3. Быстрянцева Л.А. Мировоззрение и общественно–политическая деятельность Н. В. Устрялова (1890 – 1937) // Новая и новейшая история. – 2000. – № 5. – С.162 – 190.

4. Довбыш А.В. Трансформация воззрений Н.В. Устрялова на Советское государство // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 3. – С. 131–137.

5. Дугин А. Г. Тамплиеры, пролетариата (национал-большевизм и инициация). – М.: Арктогея, 1997. – 326 с.

6. Козлов А.В. Национал-большевизм Н.В. Устрялова: истоки, сущность, эволюция: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2008. – 241 с.

7. Краус Т. Н.В. Устрялов и национал-большевизм // Россия XXI. – 1995. – №11 – С.12.

8. Ленин В.И. ПСС. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 33.

9. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. – СПб., 2000 – 2001.

10. Лысенко Е. А. История идеологии национал-большевизма Н. В. Устрялова (1900-е гг. – 1925 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук. – СПб., 2007. – 21 с.

11. Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.. В 17 т. – СПб. – М., 1911 – 1913.

12. Письмо к Струве «Еще раз о национал-большевизме» // Савицкий П. Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – 464 с.

13. Письмо Устрялова к Сувчинскому // Элементы. – № 8.

14. Романовский В. К. Жизненный путь и творчество Николая Васильевича Устрялова (1890 – 1937). – М.: Русское слово, 2009. – 606 с.

15. Романовский В.К. Николай Васильевич Устрялов: деятельность и эволюция идейно-политических воззрений: 1890 – 1937 гг. Дис... д-ра ист. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 491 с.

16. Смена вех. – Прага,1921. – № 1, 9.

17. Сталин И.В. Собр. Соч. – М.: Государственное издательство политической литературы. – Т. 7. – С. 342.

18. Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификации // Вопросы истории. – 1989. – №12. – С.91 – 93.

19. Устрялов Н. Patriotica // «Смена вех» // В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. – М.: Русская книга, 1992. – 255 с.

20. Устрялов Н. В. Проблема Пан-Европы. – Харбин: Типография КВЖД, 1929. – 17 с.

21. Устрялов Н.В. К вопросу о русском империализме // Проблемы Великой России. 1916. – №15. – 15.10. – С. 3.

22. Устрялов Н.В. Национальная проблема у первых славянофилов // Русская мысль. – 1916. – Кн. X. – С.19.

23. Устрялов Н.В. Уроки революции // Утро России. – 1918. – № 37. – 16.03.

24. Устрялов Н.В. Фрагменты. (О разуме права и праве истории) // Смена вех. – №1. – 1921. – С. 6-8.

25. Устрялов Н.В. Patriotica // Смена Вех. Сб. статей. – Прага, 1921. – С. 69.

26. Устрялов Н.В. Германский национал-социализм. – М.: Вузовская книга, 1999. – 144 с.

27. Устрялов Н.В. К вопросу о сущности «национализма» // Проблемы Великой России. – 1916. – № 18. – 10.12. – С.12.

28. Устрялов Н.В. Конец большевизма // Утро России. – 1918. – №27. – 28.01-15.02.

29. Устрялов Н.В. Мнимый тупик // Накануне. – 1918. – №2. – 14.04. – С. 6.

30. Устрялов Н.В. Национал–большевизм. М.: Эксмо, 2003. – 367 с.

31. Устрялов Н.В. Наше время. – Шанхай, 1934. – 115 с.

32. Устрялов Н.В. Перспективы // В борьбе за Россию. Сб. статей. – Харбин, 1920. – С. 11,13,17

33. Устрялов Н.В. Россия (у окна вагона). – Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1926. – 53 с.

34. Устрялов Н.В. Товарищ и гражданин // Народоправство. – 1917. – № 12.

35. Устрялов Н.В. У Врат Мира // Утро России. – 1918. – № 7. – 17.01.

36. Устрялов Н.В. Февральская революция (к 8-летнему юбилею) // Под знаком Революции. – Харбин, 1925.

37. Чернавский М.Ю. Общественно-политические взгляды Н.В. Устрялова // Духовность. – Сергиев Посад, 2006. – Кн. 9. – С. 70 – 86.

38. Шапошников К. А. Некрополь семьи Устряловых (Орел – Санкт-Петербург – Калуга): по архивным документам и опубликованным источникам // Николай Васильевич Устрялов: Калужский сборник. – Вып. 5. – Калуга, 2011. – С. 170 – 185.

References:

1. Agurskiy M. S. Ideologiya natsional-bol'shevizma. – M.: Algoritm, 2003. – 316 s. (In Russ.)

2. Bulycheva M.V. Politicheskaya kontseptsiya gosudarstva v teoreticheskom nasledii N. V. Ustryalova. Dis.... kand. polit. nauk. – Saratov, 2007. – 192 s. (In Russ.)

3. Bystryantseva L.A. Mirovozzreniye i obshchestvenno–politicheskaya deyatel'nost' N. V. Ustryalova (1890 – 1937) // Novaya i noveyshaya istoriya. – 2000. – № 5. – S.162 – 190. (In Russ.)

4. Dovbysh A.V. Transformatsiya vozzreniy N.V. Ustryalova na Sovetskoye gosudarstvo // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2016. – № 3. – S. 131–137. (In Russ.)

5. Dugin A. G. Tampliyery, proletariata (natsional-bol'shevizm i initsiatsiya). – M.: Arktogeya, 1997. – 326 s. (In Russ.)

6. Kozlov A.V. Natsional-bol'shevizm N.V. Ustryalova: istoki, sushchnost', evolyutsiya: dis. ... kand. ist. nauk. – M., 2008. – 241 s. (In Russ.)

7. Kraus T. N.V. Ustryalov i natsional-bol'shevizm // Rossiya XXI. – 1995. – №11 – 12. (In Russ.)

8. Lenin V.I. PSS. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1969. – T. 33. (In Russ.)

9. Leont'yev K.N. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem. V 12 t. – SPb., 2000 – 2001. (In Russ.)

10. Lysenko Ye. A. Istoriya ideologii natsional-bol'shevizma N. V. Ustryalova (1900-ye gg. – 1925 g.): avtoref. dis. … kand. ist. nauk. – SPb., 2007. – 21 s. (In Russ.)

11. Merezhkovskiy D.S. Poln. sobr. soch.. V 17 t. – SPb. – M., 1911 – 1913. (In Russ.)

12. Pis'mo k Struve «Yeshche raz o natsional-bol'shevizme» // Savitskiy P. N. Kontinent Yevraziya. – M.: Agraf, 1997. – 464 s. (In Russ.)

13. Pis'mo Ustryalova k Suvchinskomu // Elementy. – № 8. (In Russ.)

14. Romanovskiy V. K. Zhiznennyy put' i tvorchestvo Nikolaya Vasil'yevicha Ustryalova (1890 – 1937). – M.: Russkoye slovo, 2009. – 606 s. (In Russ.)

15. Romanovskiy V.K. Nikolay Vasil'yevich Ustryalov: deyatel'nost' i evolyutsiya ideyno-

politicheskikh vozzreniy: 1890 – 1937 gg. Dis... d-ra ist. nauk. – Nizhniy Novgorod, 2007. – 491 s. (In Russ.)

16. Smena vekh. – Praga,1921. – № 1, 9. (In Russ.)

17. Stalin I.V. Sobr. Soch. – M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury. – T. 7. – S. 342. (In Russ.)

18. Trotskiy L.D. Stalinskaya shkola fal'sifikatsii // Voprosy istorii. – 1989. – №12. – S.91 – 93. (In Russ.)

19. Ustryalov N. Patriotica // «Smena vekh» // V poiskakh puti: Russkaya intelligentsiya i sud'by Rossii. – M.: Russkaya kniga, 1992. – 255 s. (In Russ.)

20. Ustryalov N. V. Problema Pan-Yevropy. – Kharbin: Tipografiya KVZHD, 1929. – 17 s. (In Russ.)

21. Ustryalov N.V. K voprosu o russkom imperializme // Problemy Velikoy Rossii. 1916. – №15. – 15.10. – S. 3. (In Russ.)

22. Ustryalov N.V. Natsional'naya problema u pervykh slavyanofilov // Russkaya mysl'. – 1916. – Kn. KH. – S.19. (In Russ.)

23. Ustryalov N.V. Uroki revolyutsii // Utro Rossii. – 1918. – № 37. – 16.03. (In Russ.)

24. Ustryalov N.V. Fragmenty. (O razume prava i prave istorii) // Smena vekh. – №1. – 1921. – S. 6-8. (In Russ.)

25. Ustryalov N.V. Patriotica // Smena Vekh. Sb. statey. – Praga, 1921. – S. 69. (In Russ.)

26. Ustryalov N.V. Germanskiy natsional-sotsializm. – M.: Vuzovskaya kniga, 1999. – 144 s. (In Russ.)

27. Ustryalov N.V. K voprosu o sushchnosti «natsionalizma» // Problemy Velikoy Rossii. – 1916. – № 18. – 10.12. – S.12. (In Russ.)

28. Ustryalov N.V. Konets bol'shevizma // Utro Rossii. – 1918. – №27. – 28.01-15.02. (In Russ.)

29. Ustryalov N.V. Mnimyy tupik // Nakanune. – 1918. – №2. – 14.04. – S. 6. (In Russ.)

30. Ustryalov N.V. Natsional–bol'shevizm. M.: Eksmo, 2003. – 367 c. (In Russ.)

31. Ustryalov N.V. Nashe vremya. – Shankhay, 1934. – 115 s. (In Russ.)

32. Ustryalov N.V. Perspektivy // V bor'be za Rossiyu. Sb. statey. – Kharbin, 1920. – S. 11,13,17 (In Russ.)

33. Ustryalov N.V. Rossiya (u okna vagona). – Kharbin: Tipografiya Kitayskoy Vostochnoy zheleznoy dorogi, 1926. – 53 s. (In Russ.)

34. Ustryalov N.V. Tovarishch i grazhdanin // Narodopravstvo. – 1917. – № 12. (In Russ.)

35. Ustryalov N.V. U Vrat Mira // Utro Rossii. – 1918. – № 7. – 17.01. (In Russ.)

36. Ustryalov N.V. Fevral'skaya revolyutsiya (k 8-letnemu yubileyu) // Pod znakom Revolyutsii. – Kharbin, 1925. (In Russ.)

37. Chernavskiy M.YU. Obshchestvenno-politicheskiye vzglyady N.V. Ustryalova // Dukhovnost'. – Sergiyev Posad, 2006. – Kn. 9. – S. 70 – 86. (In Russ.)

38. Shaposhnikov K. A. Nekropol' sem'i Ustryalovykh (Orel – Sankt-Peterburg – Kaluga): po arkhivnym dokumentam i opublikovannym istochnikam // Nikolay Vasil'yevich Ustryalov: Kaluzhskiy sbornik. – Vyp. 5. – Kaluga, 2011. – S. 170 – 185. (In Russ.)